Россия. – 2003. – 17 января (№ 5). – С.13

Голы Михаила Танича

Дмитрий Злодорев

Если бы не две беды - война и лагеря, любовались бы мы игрой футболиста Танича, а про поэта с такой фамилией и не узнали бы.

- О футболе я могу говорить вечно, - начинает разговор Михаил Исаевич. - Я родился в Таганроге, там окончил семь классов, на моем доме висит мемориальная доска. А поскольку мой папа в юности был футболистом, то и я играл. Центром нашего дома был футбольный мяч, я гонял с пяти лет, в шесть уже играл с 12-летними мальчишками - меня в ворота ставили. В II уже не разгибались ноги: я все время ловил мячи на коленях, мода такая была.

Из-за этого даже в санаторий в Анапу направляли. А в 14, когда семья переехала в Ростов-на-Дону, я стал выступать за местный «Спартак» - в тройке нападения. Забивал в каждом матче и даже не понимал, как можно уйти с поля без гола. Правда, тогда футбол был менее контактный, чем сегодня: я мог четверых соперников обвести, а сейчас не дадут - второй собьет. Во время войны играл за Тбилисское артучилище, пока там учился, а в 45-м - за Группу войск в Германии, был играющим тренером и главным забивалой. Однажды играли с немцами знаменитый матч, он в «Новом мире» и в моей книжке описан. 1:6 мы проиграли. Можете себе представить: команда воинской части - и футбольный клуб «Ваккер», который существует до сих пор. И кто только додумался организовать эту встречу? Они же ведь все так представили, как будто сам ЦДКА разгромили. Вот скандал!

- А через полтора года после того матча - лагеря?

- Сначала я вернулся в Ростов. Ничего с войны не привез, кроме футбольной амуниции. Мог в любую команду попасть, хотя мечтал, конечно, о ЦДКА. Не сложилось: в 47-м по другому маршруту пришлось направиться. Но и в лагере мне футбол помог: я же благодаря ему был сильным и здоровым. Как-то с Яном Френкелем приехали в Забайкалье к летчикам, так один мне говорит: «Михаил Исаевич, вы больше на штангиста похожи, чем на поэта».

- А как должен выглядеть поэт в вашем понимании?

- В моем понимании поэт - это лысый человек с венком на голове, с доброжелательной улыбкой влюбленного юноши. Короче говоря, Данте. По такому счету я себя поэтом с большой буквы не считаю.

- Вы сидели по знаменитой 58-й?

- Статья 58.10, антисоветская пропаганда. Спросил я вас, почему сегодня хлеб не привезли, - уже достаточно. Сидел в Усольском лагере, столицей которого был Соликамск. Несколько наших ребят, в том числе и я, играли за соликамское «Динамо», а тренировал нас игрок московского «Спартака» Александр Кожин, подельник братьев Старостиных. Он-то мне и выхлопотал пропуск, который давал право на бесконвойный выход с территории зоны. Его обладатели могли занимать, кроме того, какие-то лагерные должности.

- А стихи помогли вам выжить в лагере?

- Нет. Они все равно писались, но профессионалом я себя ощутил не так уж давно. Поначалу мне нравилось все, что я сочиняю, -просто не понимал, что это плохо.

- Насколько я помню, в советское время вы не написали ни одной «придворной» песни...

- Это не совсем так. Я был увлечен - нет, скорее охмурен - романтикой комсомольских строек, написал вместе с Оскаром Фельцманом песню «Палаточный город»: «Живем в комарином краю, и лучшей судьбы не хотим, и любим палатку свою - родную сестру бригантин». Есть еще одна такая песня: «Родина моя, что будет и что было - все я пополам с тобою разделю: вовсе не затем, чтоб ты меня любила, просто потому, что я тебя люблю». Я эту песню

ПГПУ имени А.П. Чехова

люблю, при первой же возможности поставлю ее в концерт, Надю Бабкину попрошу исполнить.

- «Придворных» песен вы не писали, в лагере отсидели... Как вам удалось еще в те времена выйти со своими стихами, да так, что вас узнала вся страна?

- Не знаю, наверное, повезло. Когда я освободился, за несколько дней до смерти Сталина, мне вместо паспорта выписали бумажку, по которой запрещалось жить в 39 городах. Только через продолжительное время выдали паспорт на двух страничках. Работал на шлюзах Волго-Донского канала, на Сталинградгидрострое в городе Волжском. Там встретил свою Лидочку, и с тех пор, кстати, перестал думать о футболе. Правда, мой последний матч она видела, и гол свой я забил, метров с 30 вратаря перебросил - не гуляй далеко от ворот. Вот вам мой путь к стихам.

- Ваша жена, Лидия Николаевна Козлова, стала поэтессой по вашему примеру?

- У нее очень творческая натура. Написала хорошую повесть «Рядом с войной», ее напечатали бы в Сталинграде, если бы мы не переехали в Москву. А стихи она никогда не сочиняла, просто однажды взяла и написала стихотворений на целый поэтический сборник. А потом уже появились ее знаменитые песни «Айсберг», «Снег кружится», «Перекатиполе» ...

- А у вас были песни, которые власти запрещали исполнять?

- Очень мало. Ругали, например, песню про черного кота. Даже не знаю за что - обычная шутка. Генералы не любили песню «Как хорошо быть генералом». Зато полковники ее уважали. Но особенных гонений на мои песни не было: во мне уже давно работает самоцензура - я же себе не враг. По-моему, сейчас многие журналисты потеряли внутреннего редактора, без которого нельзя. Без цензуры можно, без самоцензуры - нет: изнанка прет!

- Мы с вами познакомились лет восемь назад, когда вышел второй диск «Лесоповала». С тех пор вы мне каждый год говорите, что следующая пластинка будет последней, ибо тема иссякает. Сейчас вышел девятый альбом.

- Иссякает не тема, а я. В моем возрасте нужно все время думать, что ты не вечен. И хотя я оптимист по природе, понимаю это и оттого смотрю на каждый диск как на последний. Сейчас уже написаны стихи к 10-му альбому, и я, если сумею, 11-й напишу.

- Вы сознаете, что большинство любимых в народе песен «Лесоповала» были записаны в основном на первых двух альбомах?

- Ни в коем случае. Первые два альбома все так восприняли потому, что они были неожиданными: как выстрел из-за угла, как кирпич на голову, никто этого не ждал, тем более от меня. Сейчас вышел диск «Лесоповал». Лучшее». Я подарил его шоферу, который меня иногда подвозит. Недавно смотрю: он у него в машине лежит. «Коля, - спрашиваю, - тебе что, не нравится?» -»Да нет, - говорит, - но восьмой альбом лучше». А я сейчас думаю, что лучшим будет десятый, - я набрал туда 12 очень клевых песен.

- Вы мастер коротких форм. Но, как известно, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Почему вы не пишете, скажем, поэмы?

- У меня есть маленькая поэма «Ветер с моря» - о Таганроге. Но я люблю изъясняться очень коротко, такой характер. В творчестве я иду от частушки, где в несколько строчек вложен весь смысл: «Пишу стихи как вдох и выдох, как вдох и выдох - как живу».

- Значит, краткость - ваша сестра?

- Более того, она моя родная сестра. Даже близнец.

- Если вы скажете, что, помимо десятого альбома «Лесоповала», в творческом портфеле ничего нет, я не поверю. Может, раскроете секреты?

- А у меня их нет. Лариса Долина поет мою новую песню, работаю с Апиной, с Малининым. Сейчас снимается клип по песне «Модильяни», новую книжку пишу. Подумываю о юбилейном концерте в сентябре. Правда, мне как-то неловко признаться в том, сколько мне лет, - притворяюсь молодым человеком.

ЦГПБ имени А. П. Чехова